

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-40-51

УДК 93/94

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ОСЕТИНСКОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАМОРФОЗ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Хубулова Светлана Алексеевна

Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС,

Пятигорск, Россия;

Ставропольский государственный педагогический институт

(филиал в г. Ессентуки),

Ессентуки, Россия

hubul@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины, которые влияли на постепенное разрушение единства семейно-родовых отношений в осетинском социуме на рубеже XIX–XX вв. Замкнутость семейного быта сказывалась на всех сторонах жизни этноса на протяжении многих веков. Однако влияние внешней среды не только на социально-экономическое пространство, но и на мировоззрение членов семей/родственных объединений не могло не подмывать традиционных основ. Было установлено, что процесс расшатывания семейных и родовых традиций не был линейным и непрерывным; он отличался не только по разным районам, к примеру, равнинные и горные, но и по селам и даже посемейно. Поэтому выявление как единичных, так и общих направлений, скорости новаций в разных регионах Осетии представляет большой научный интерес. На основе исследования сделан вывод о том, что еще до проведения социальных преобразований советской властью, которые изменяли картину традиционных родственных отношений, семья и род испытывали на себе разрушительное воздействие внешней среды (отходничество, создание малых семей с более современной системой взаимоотношений, увеличение численности молодых интеллигентов, вовлеченных в политическую борьбу и др.). Данная статья во многом носит постановочный характер, т.к. состояние семейно-родовых отношений рубежа XIX–XX вв. через призму исторической антропологии еще не стало объектом изучения в современном региональном ракурсе.

Ключевые слова: семейно-родственные связи, традиции, новации, модернизация, революционное влияние, раскол.

TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL OSSETIAN FAMILY IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC AND POLITICAL METAMORPHOSES OF THE REVOLUTION AND CIVIL WAR PERIOD

Khbulova Svetlana A.

North Caucasus Institute-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Pyatigorsk, Russia;
Stavropol State Pedagogical Institute (branch in Yessentuki),
Yessentuki, Russia
hubul@yandex.ru

Abstract. The article examines the reasons that influenced the gradual destruction of the unity of family and clan relations in the Ossetian society at the turn of the 19th and 20th centuries. The isolation of family life affected all aspects of the ethnic group's life for many centuries. However, the influence of the external environment, not only on the socio-economic space but also on the worldview of family members and kinship groups, could not help but undermine the traditional foundations. It was established that the process of undermining family and clan traditions was not linear or continuous; it differed not only between different regions, such as the plains and the mountains, but also between different villages and even between different families. Therefore, identifying both individual and common trends, as well as the speed of innovation in different regions of Ossetia, is of great scientific interest. Based on the research, it is concluded that even before the social transformations carried out by the Soviet government, which changed the traditional family structure, the family and clan were already experiencing the destructive effects of the external environment (such as migration, the creation of small families with a more modern system of relationships, and an increase in the number of young intellectuals involved in political struggle, among others). This article is largely based on a staged scenario, as the state of family and clan relations at the turn of the 19th and 20th centuries has not yet been studied in a modern regional context through the lens of historical anthropology.

Keywords: family ties, traditions, innovations, modernization, revolutionary influence, division.

Цитирование: Хубулова С.А. Трансформация традиционной осетинской семьи в условиях экономических и политических метаморфоз периода революции и Гражданской войны // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 40–51. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-40-51 / Khbulova S.A. Transformation of the traditional Ossetian family in the conditions of economic and political metamorphoses of the Revolution and Civil War period, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 40–51. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-40-51.

© Хубулова С.А., 2026

История революции 1917 года и Гражданской войны изучается на протяжении ста с лишним лет. Специалисты анализируют военные действия противоборствующих сторон, экономическую ситуацию, культурные преобразования и многое другое. Немало работ написано по проблемам социальной политики, в том числе по вопросам семьи и брака [Сотников, 2015; Грицай, 2012]. Однако есть еще такие аспекты, которые требуют пристального внимания и глубокого анализа. Например, большой интерес вызывает проблема трансформации семейных отношений в разгар революции и Гражданской войны в региональном разрезе.

Отметим, что источниковая база заявленной темы пока представлена небольшим корпусом документов и материалов. Наряду с общераспространенными сборниками, посвященными разным вопросам истории революции и Гражданской войны, в последние годы вышли в свет эго-документы, представленные в виде мемуаров, дневников, анкет и проч., которые проливают свет на антропологические аспекты повседневной жизни, на то, как происходила перестройка не только экономической жизни, но политических реалий, смена мировоззрения [Борьба за Советскую власть..., 1957; Акоев, 2014; Ботоев, 1965; Бутаев, 1922; Гражданская война..., 1965]. Анализ данных источников позволяет восполнить региональную историю революционных событий через жизнь простых обывателей Осетии.

Для решения поставленных задач были привлечены статистические данные, большой корпус историографических работ, а также эго-документы (дневники, воспоминания и архивные материалы). В работе использованы историко-сравнительный, ретроспективный, а также историко-антропологический методы исследования.

В рамках статьи мы не ставим цель всестороннего изучения данного вопроса, но определим наиболее характерные изменения в пространстве семейных отношений. В этой связи выделим ряд факторов, которые оказали разрушающее влияние на семейно-родовые связи в осетинском социуме, как, впрочем, в целом по всей России.

Вопрос о трансформациях семейно-родственных отношений в период социально-политических катаклизмов не может быть рассмотрен без хотя бы краткого анализа традиционных канонов, из которых складывалось единство рода/семьи.

Исследователи традиционных моделей функционирования этноса утверждают, что соционормативные правила формировали во многом присущий только данному народу образ жизни [Хадикова, 2015; Калоев, 2004; Карпов, 2007]. Образ жизни определял и поведенческие нормы, которым данное сообщество следовало на протяжении веков.

На существование больших семейных коллективов оказывали влияние как экономические факторы, так и общественное мнение [Хадикова, 2015]. Большая семья позиционировалась как престижная и значимая [Мисиков, 1916]. Исследователи указывали, что среди горских народов осетины выделялись особым почтением к семейным традициям и родственным связям [Кох, 1967].

Семья и семейные устои в среде кавказских народов всегда были незыблемым элементом общественной жизни этносов. В семейном кругу четко определены

гендерные и поколенческие роли всех родственников: старший (не всегда по возрасту) мужчина — глава семьи, который имел в том числе представительские функции на сельских мероприятиях, старшая женщина — ведала хозяйственными делами, наблюдала за порядком, распределяла работу между домочадцами, остальные также имели свои обязанности, строгое соблюдение которых гарантировало нерушимость такой ячейки тогдашнего общества.

Сильны были также и родовые связи, в которые вписывались все родственные семьи, образующие родовой клан. Такая структура общества гарантировала не только крепость родственных отношений, но служила индикатором общественного положения и роли рода и семьи. Например, составление брачных союзов проходило не спонтанно, но с учетом именно вышеуказанных характеристик рода.

Традиционный родовой уклад жизни не исключал и разумного демократизма в отношениях между членами фамилии. Например, известно, что более 10 тыс. осетин посвятили себя военной службе в российской армии, получили за храбрость и героизм воинские звания и многочисленные награды. Однако в кругу родственников ни один из них не позволял себе не прислушаться к старшим, не оказать им внимания, каким бы орденосным и боевым генералом он не был. В качестве примера приведем историю одного из горских полков. Высшему начальству стало известно, что во время приема пищи именитые и титулованные офицеры-осетины прислуживали солдатам. На недоуменный вопрос, почему старший по званию берет на себя функции ординарца, не является ли это нарушением устава, был получен ответ, что по обычаям своего народа младший по возрасту, вне зависимости от своего звания, воздает почести старшим солдатам. Но в условиях военного похода субординация не нарушается и все следуют уставным правилам [Дзагурова, 2012].

Мнение старших членов родственного сообщества ставилось часто выше индивидуальных планов. Так, один из представителей знатного рода Кубатиевых, покинувший родину после Гражданской войны, в своих воспоминаниях отмечал это обстоятельство: «...не могу назвать себя образованным человеком. Вся моя учеба свелась к тому, что я закончил русскую начальную школу в Нальчике. Несмотря на мое желание продолжить учиться, старшие не дали мне такой возможности, и я вернулся в наше село. В сущности, умение читать и писать в те времена считалось вполне достаточным, остальное же было не столь важно» [Кубатиев, 2014, с. 23].

Вместе с тем немало фактов того, что значительная часть осетинской молодежи получила блестящее образование в ведущих учебных заведениях империи и семья только поощряла эту тягу к знаниям¹. Важным источником формирования нового мировоззрения на общественные процессы в сельской среде было количество образованных молодых людей, которые не пренебрегали традиционными нормами поведения, но имели более современный взгляд на взаимоотношения внутри семьи, рода, фамилии.

¹ Среди молодых осетин, получивших образование в учебных заведениях Российской империи: Г.Ф. Бараков (Московский коммерческий институт), Н.У. Кесаев (Московский университет), Г.В. Баев (Новороссийский университет), А.Г. Ардасенов (Петербургский земледельческий институт), К.С. Борукаев (Петербургский университет) и др.

В период 1917–1920 гг. эти молодые сторонники, к примеру, большевиков создавали революционные организации, призывая с оружием в руках добиваться свободы и земли. Вращаясь в столичных политических кружках, они приобщались к революционным идеям и несли эти знания на родину, просвещая соотечественников. Сельский псаломщик К. Акоев даже записал в своем дневнике о ежегодном мероприятии: «Я был на маевке с учениками и студентами около верхнеквартальной школы в саду Цаголова» [Акоев, 2014].

При этом следует отметить, что приобщение к разным политическим теориям разводило интеллигенцию по разные стороны баррикад в ходе революции 1917 г.

Некоторые изменения в семейном пространстве стали намечаться в конце XIX в. Проникновение буржуазных отношений в крестьянскую среду постепенно приводило к разрушению большой семьи численностью 20–30 чел. и выделению малых семей. Под влиянием капиталистической модернизации, отчасти затронувшей сельский социум, естественный рост числа членов семьи, как отмечал М.О. Косвен, приводил либо к сегментации семейных общин, либо к их окончательному распаду [Косвен, 1963, с. 547].

Г.А. Цаголов, который провел глубокий анализ хозяйственного состояния крестьянских дворов, отмечал, что примерно половина жителей Осетии проживала в горах в невыносимых природных и экономических условиях, когда на крестьянский двор приходилось не более 0,5 дес., а то и меньше, земли [Цаголов, 1912, с. 18]. Условия жизни, особенно в горах, были крайне тяжелыми: «Такой тяжелый труд, поглощающий столько времени, сил и здоровья, все-таки не обеспечивает население от нужды, и большинство его живет впроголодь...» [Хубулова, 2002, с. 25]. Отсюда — необходимость существования больших родственных коллективов, способных общими усилиями заниматься хозяйствованием в суровых горных условиях.

На равнине ситуация менялась в сторону сокращения людности дворов, уменьшения численности больших семей. Отметим и то обстоятельство, что по переписи 1920 г. средняя численность семьи составила 5,3 чел., что говорит также в пользу тезиса о сокращении большесемейных коллективов в городе и в равнинных селах [Рклицкий, 1926, с. 12]. К началу XX в. стали частыми разделы имущества в большесемейных коллективах: «Сего числа братья Николай и Дзандар Дабановичи Тахуновы разделились между собой при свидетеле Габо Гокоеве. Дзандар взял дом каменный и сарай, а Кола — большой сарай и две комнаты, потом разные вещи и скотину, а деньгами получили по 74 тысячи» [Акоев, 2014, с. 27]. Отчасти данная тенденция свидетельствует о том, что традиционное довлеющее влияние старших постепенно вытесняется новыми формами коммуникации, которые иницируются младшими поколениями. В бытовом плане можно указать на факт свободного выбора брачного партнера. Бытоописатель сельской жизни К. Акоев отмечал данное обстоятельство неоднократно: «Слепой Андрей Дзахоевич Чиховиев похитил в Черноярской станице дочь Ивана Хориева Анну (Аннушку)... Во время допроса священником, при полковнике Денгизе Дзотцоеве и Николае Собиеве, она сказала, что ее никто не заставлял выходить за Чиховиева», и далее еще случай: «Студент Дзандар Елбаев женился на учительнице Надо Иосифовне Дзугаевой. Сего числа повенчали в Христианской

церкви в 11 часов ночи. Прямо из церкви ее повели домой без приданого. Она вышла замуж тайно от матери по своей воле» [Акоев, 2014, с. 29].

Следующей причиной изменений в семейных традициях является активное отходничество. Сокращение людности семьи, экономические проблемы вынуждали мужскую часть искать дополнительных заработков. В селах нередко случалось, что большинство мужчин отправлялись на заработки, оставляя все хозяйственные вопросы в ведении либо стариков, либо женщин, последние «без помощи рабочей мужской силы трудно справлялись с домашней и хозяйственной работой...» [Хубулова, 2003, с. 18]. Нехватка земли, аграрное перенаселение вынуждали рабоче-активное население искать заработок на заводах, шахтах, верфях. Это обстоятельство нашло отражение в эго-документах того времени. Так, в дневнике псаломщика К. Акоева читаем: «Александр Ильич Акоев, мой брат, с Цицинка Батмановым поехали в Сибирь на заработки. Отец наш Илас Батаевич Акоев тоже поехал в Сибирь...» [Акоев, 2014, с. 18]. Таких акоевых по всей Осетии, по некоторым данным, было не менее 40 тыс. чел.: кто-то отправлялся на краткосрочные заработки, кто-то мог отсутствовать месяцами, а то и годами. Были и те, кто совершал поездки за рубеж многократно: «Хадзомар Бегазович Гериев поехал в Америку второй раз на заработки с Хамурза Дзамболатовичем Акоевым» [Акоев, 2014, с. 21]. Как указывал современник, «многие и многие из них (отходников. – С.Х.) годами жилали в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию» [Киров, 1926, с. 14].

Отходничество не могло не отражаться на традиционном укладе семьи, медленно расшатывая устои семейного быта, влияло на взаимоотношения внутри семьи. Отходничество давало возможность нового восприятия окружающего мира, иногда далекого от установленного веками в рамках тесного крестьянского мирка. Кроме того, вращаясь среди пролетариата, многие трудовые мигранты из Осетии проходили школу политического становления и по возвращении домой активно включались в общественное движение.

Еще одной значимой силой, разрушавшей устоявшийся крестьянский мир, были фронтовики, которые после произошедшего в Петрограде переворота 1917 г. устремились на родину. Надо иметь в виду, что в Осетии было более 10 тыс. кадровых военных; кроме того, в период Первой мировой войны на фронт отправилось более 5 тыс. чел. [Атабиев, 2016, с. 14].

По возвращении домой они рассказывали о ситуации на фронте, о большевистской революции, побуждая земляков задуматься о необходимости пересмотра существующего порядка. Фронтовики пользовались большим авторитетом не только среди однофамильцев, но и у широкой публики. Достаточно назвать имя Гино Баракова, который был не только храбрым военным, но и хорошим оратором, знавшим не понаслышке о проблемах своего народа. Об авторитете Баракова говорит следующий факт: во время выборов в Алагирский окружком Гино находился на Кавказском фронте, но заочно его избрали председателем [ЦДНИРО, ф. 92, оп. 1, д. 2, л. 25].

Деление традиционного осетинского социума на противостоящие группировки неизбежно касалось каждой семьи. Межпоколенные связи ослабевали: старшие

и молодые члены семьи и рода при внешнем соблюдении традиционного поведения играли новые для себя роли. Старики не принимали меняющихся событий, считая, что все они носят временный характер и нельзя опрометчиво принимать их к исполнению — в старом известном до мелочей мире жилось, может, нелегко, но понятно. Чтобы не утратить своего влияния на родственников, старики прибегали к разным упрекам, внушениям. Например, родовитые фамилии напоминали своим «отбившимся» родичам, что честь фамилии — выше всего: «...породнись с ними (бедняками. — С.Х.) и смешай свою белую кровь с их черной кровью! Не бывать этому никогда!» [Историко-мемориальный..., д. 10]. Чтобы воспрепятствовать распространению революционных идей, старшие из знатных фамилий звали к традициям предков, запрещавшим младшим сородичам держать речь на общих сходах раньше более старших и мудрых, вести себя вызывающе [ГАНИ РСО-А, ф. 1849, оп. 2, д. 32, л. 2].

Молодежь же была восприимчива к новациям, горела желанием изменить мир, предлагая членам своего рода следовать за ней. Учитывая такую общественную готовность молодых людей к переменам, многие агитаторы из большевистской партии избрали в качестве электората именно эти когорты осетинского социума [ГАНИ РСО-А, ф. 1849, оп. 2, д. 15, л. 12–13].

Мировоззрение, некогда однообразное и традиционное, в ходе революции распалось на множество осколков. Ярким подтверждением данного посыла является история семьи Баевых. Члены семьи Василия Баева были уважаемыми людьми, которые внесли большой вклад в разные сферы жизни своего народа: Гаппо (Георгий) — известный общественный деятель, публицист, собиратель осетинского фольклора — получил юридическое образование в Новороссийском университете, с 1905 г. стал гласным Владикавказской городской Думы; внес вклад в развитие литературы [Дзалаева, 2016]; Дзандар (Алексей) — командир Осетинской пешей бригады, участник Первой мировой войны, имел награды за мужество [Туаллагов, 2014]; Измаил окончил юридический факультет Московского университета; Чермен (Роман) учился в Петербурге; Андрей — доктор математических наук, профессор, в 1919 г. — доцент политехникума [Марзоев, 2017].

Незаурядные биографии членов семьи прежде всего свидетельствуют о высоком образовательном уровне; разносторонние интересы и занятия говорят об их общественной роли в жизни не только Осетии, но и России. Эти люди могли сделать для своей родины куда больше того, что сделали. Однако революционные события нарушили уклад жизни этой большой семьи и развели братьев по разные стороны баррикад: Г. Баев не поддержал большевиков, стоял у истоков Союза объединенных горцев Кавказа, ратовал за независимость горских народов и проведение в жизнь демократических начал, не поддержал ни одну из политических сил в период Гражданской войны, ратовал за мирное решение вопросов, эмигрировал в Берлин, «известен как злейший враг советской власти» [Марзоев, 2017]; Измаил — монархист, в 1919 г. вошел в состав «Совета при правителе Осетии»¹ [Волков, 2014],

¹ Возник после занятия Добровольческой армией территории Терской области, которая была поделена генералом Ляховым на 4 округа: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Чеченский. В каждый округ назначался «правитель». В Осетии это был полковник Я. Хабаев.

являлся членом контрреволюционной организации, сформированной в Салугардане. Дзандар также вошел в состав «Совета при правителе Осетии», погиб на Соловках; Андрей тоже не поддержал новую власть, Чермен стал известным революционером-плекхановцем, участвовал в первой русской революции, затем в революции 1917 г., погиб от рук белогвардейцев в 1919 г. [Революция 1905–1907..., 1980]. «Красное колесо» прокатилось по многим семьям, внося раскол между кровными родственниками, расшатывая традиционные устои общества.

Таким образом, традиционные устои крестьянского социума были достаточно сильны, но и они не могли стать социальной скрепой, способной держать в спокойном состоянии своих членов. А.А. Семенов справедливо отмечает, что перемены в общественном сознании в переходные периоды в провинции, более традиционной, нежели большие города, проходили болезненно и мучительно, «принимали характер затяжного процесса, в ходе которого наблюдалась в народном сознании и временная эвокация традиционных ценностей, и их последующий распад, и их смешение с новыми идеями и принципами» [Семенов, 2013].

Медленно, но все же происходило размывание семейно-родового единения, традиционных форм поведения. Советская власть еще не приступила к реформированию семейных отношений, но сама семейная ячейка медленно, но деформировалась, уступая место новым тенденциям, не всегда понимаемым и принимаемым социумом. Процесс этот не был прямолинейным и продолжался долгие десятилетия, особенно в горной местности. Переселение в город, приобретение новых социальных ролей также отразились на традиционной семейной структуре и повседневных практиках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акоев К. Записки псаломщика // *Дарьял*. 2014. № 6. С. 125–142.

Атабиев Х.А. Терская область в годы Первой мировой войны: автореферат дис. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2016. 26 с.

Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сб док-тов и материалов. Сост.: Е.А. Кияницкая, Е.П. Кричина. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. 357 с.

Ботоев М.Д. О Гражданской войне в Северной Осетии // *Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1965. С. 49–73.

Бутаев К.С. Борьба горцев за революцию. Владикавказ: типография газеты «Горская правда», 1922. 39 с.

Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России». Буква «Б». М., 2014. URL: <https://forum.vgd.ru/311/63608/0.htm?ysclid=ml9k1cae8e357603262> (дата обращения – 15 января 2026 г.).

Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 15.

ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 32.

- Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников. Отв. ред. М.Д. Ботоев. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. 382 с.
- Грицай Л.А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX – начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917–1918 г. // *История и современность*. 2012. № 1. С. 180–191.
- Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ: СОГУ, 2012. 236 с.
- Дзалаева К. Р. Вовлечение представителей местного населения в государственно-административное управление в процессе формирования основ гражданственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // *Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность*. Вып. VIII. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. С. 152–159.
- Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.
- Историко-мемориальный дом-музей им. Г.А. Цаголова. Ф. Участники Гражданской войны в Дигорском ущелье. Д. 10 – Воспоминания Б.С. Дзотцоева.
- Калоев Б.А. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 2004. 471 с.
- Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социального опыта Дагестана. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2007. 556 с.
- Киров С.М. На берегах Терека. URL: <https://digoria.com/news/6230/> (дата обращения – 15 января 2026 г.).
- Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Академия наук СССР, 1963. 219 с.
- Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 г. // *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 222–281.
- Кубатиев Темирболат. Воспоминания осетинского эмигранта. Ч. 1. Моя жизнь на Кавказе. Пер., предисл., примеч. Г.В. Чочиев. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 424 с.
- Марзоев И.Т. Род Баевых в истории Осетии (XIX – начало XX в.) // *Известия СОИГСИ*. 2017. № 24 (63). С. 37–48.
- Мисиков М.А. Материалы для антропологии осетин. Одесса: Типография ТЕ (Контрагент по печатанию записок Императорского Новороссийского Университета), 1916. 237 с.
- Революция 1905–1907 годов на Тереке: Документы и материалы. Т. 2. Орджоникидзе: Ир, 1980. 297 с.
- Рклицкий М.В. Главнейшие моменты в экономике Северной Осетии. Владикавказ: б.и., 1926. 109 с.
- Семенов А.А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // *Научный журнал КубГАУ*. 2015. № 109 (05). С. 37–50.
- Семенов А.А. Общественно-политический кризис и разрушение традиционного сознания населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны // *Научный журнал КубГАУ*. 2013. № 90 (06). С. 1–12.
- Сотников С.А. Семья и брак в период гражданской войны в России в 1917–1922 годы: социальная специфика и ментальность // *Сервис plus*. 2009. № 4. С. 3–7.

Туаллагов А.А. Судьбы человеческие. Дзандар Васильевич Баев // *Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 165–180.

Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.

Хубулова С.А. Некоторые проблемы этнографии и исторической демографии крестьянства Северного Кавказа // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2003. № 1 (121). С. 16–22.

Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – начале XX в.: социально-экономические, этнодемографические и политические аспекты развития. СПб.: СПбГУ, 2002. 218 с.

Цаголов Г.А. Край беспроектной нужды: историко-экономический очерк, Владикавказ: б.и., 1912. 295 с.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 92. Оп. 1. Д. 2.

REFERENCES

Akoev K. Zapiski psalomshhika [Notes of a psalmist], in *Daryal*. 2014. No. 6. Pp. 125–142 (in Russian).

Atabiev Kh.A. *Terskaya oblast' v gody Pervoj mirovoj vojny* [The Tersk region during the First World War]. Abstract of the dissertation of the candidate of Historical sciences: 07.00.02. Vladikavkaz: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova, 2016. 26 p. (in Russian).

Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Severnoj Osetii. [The struggle for Soviet power in North Ossetia]. Collection of documents and materials. Comp.: E.A. Kiyanitckaya, E.P. Krichina. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1957. 357 p. (in Russian).

Botoev M.D. *O Grazhdanskoj vojne v Severnoj Osetii* [On the Civil War in North Ossetia], in *Grazhdanskaya vojna v Severnoj Osetii po vospominaniyam uchastnikov* [The civil war in North Ossetia according to the memoirs of the participants]. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1965. Pp. 49–73 (in Russian).

Butaev K.S. *Bor'ba gorcev za revolyuciyu* [The Mountaineers' struggle for revolution]. Vladikavkaz: tipografiya gazety "Gorskaya Pravda", 1922. 39 p. (in Russian).

Volkov S.V. *Baza dannykh "Uchastniki Belogo dvizheniya v Rossii". Bukva "B"*. [Database "Participants of the White Movement in Russia". Letter "B"]. Moscow, 2014. Available at: <https://forum.vgd.ru/311/63608/0.htm?ysclid=ml9k1cae8e357603262> (accessed 15 January 2026).

State Archive of Modern History of the Republic of North Ossetia-Alania (GANI RSO-A). F. 1849. Inv. 2. D. 15.

GANI RSO-A. F. 1849. Inv. 2. D. 32.

Grazhdanskaya vojna v Severnoj Osetii po vospominaniyam uchastnikov [The Civil War in North Ossetia according to the memoirs of its participants]. Ed. by M.D. Botoev. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1965. 382 p. (in Russian).

Gritsaj L.A. Transformaciya cennostnykh osnov semejnoy zhizni v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. kak predposylka revolyucionnykh sobytij 1917–1918 g. [Transformation of the Value Foundations of Family Life in Russia at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Century as a Prerequisite for the Revolutionary Events of 1917–1918], in *History and Modernity*. 2012. No. 1. Pp. 180–191 (in Russian).

Dzagurova G.T. *Osetiny v vojnakh Rossii* [Ossetians in the wars of Russia]. Vladikavkaz: SOGU, 2012. 236 p. (in Russian).

Dzalaeva K.R. Vovlechenie predstavitelej mestnogo naseleniya v gosudarstvenno-administrativnoe upravlenie v processe formirovaniya osnov grazhdanstvennosti i obshherossijskoj identichnosti na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The involvement of local population representatives in state and administrative management in the process of forming the foundations of citizenship and all-Russian identity in the North Caucasus in the second half of the 19th and early 20th centuries], in *Genealogy of the Peoples of the Caucasus. Traditions and Modernity*. Iss. VIII. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VSC RAS and RSO-A, 2016. Pp. 152–159 (in Russian).

Inal-Ipa Sh.D. *Ocherki ob abkhazskom etikete* [Essays on Abkhazian Etiquette]. Sukhumi: Alashara, 1984. 190 p. (in Russian).

G.A. Tsagolov Historical and Memorial House Museum. F. Participants of the Civil War in the Digora Gorge. D. 16 – Memories of B.S. Dzutsoev. (in Russian).

Kaloev B.A. *Osetiny. (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)*. [Ossetians. (Historical and Ethnographic Research)]. Moscow: Nauka, 2004. 471 p. (in Russian).

Karpov Yu.Yu. *Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nogo opyta Dagestana* [Look at the Highlanders. A View from the Mountains: Ideological Aspects of Dagestan's Culture and Social Experience]. St. Petersburg: Petersburgskoe vostokovedenie, 2007. 556 p. (in Russian).

Kirov S.M. *Na beregakh Tereka* [On the banks of the Terek River]. Available at: <https://digoria.com/news/6230/> (accessed 15 January 2026).

Kosven M.O. *Semejnaya obshhina i patronimiya* [Family Community and Patronymics]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1963. 219 p. (in Russian).

Kokh K. Puteshestvie cherez Rossiyu k Kavkazskomu pereshejku v 1837 i 1838 g. [Journey through Russia to the Caucasian Isthmus in 1837 and 1838], in *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians through the Eyes of Russian and Foreign Travelers]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. Pp. 222–281 (in Russian).

Kubatiev Temirbolat. *Vospominaniya osetinskogo emigranta. Ch.I. Moya zhizn' na Kavkaze* [Memoirs of an Ossetian Emigrant. Part I. My Life in the Caucasus]. Translated, prefaced, and annotated by G.V. Chochiev. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VSC RAS and RSO-A, 2014. 424 p. (in Russian).

Marzoev I.T. Rod Baevykh v istorii Osetii (XIX – nachalo XX v.) [The Baev Family in the History of Ossetia (19th – Early 20th Centuries)], in *Izvestiya SOIGSI*. 2017. No. 24 (63). Pp. 37–48 (in Russian).

Misikov M.A. *Materialy dlya antropologii osetin* [Materials for the Anthropology of the Ossetians]. Odessa: Tipografiya TE (Kontragent po pechataniyu zapisok Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta), 1916. 237 p. (in Russian).

Revolyuciya 1905–1907 godov na Tereke: Dokumenty i materialy [The Revolution of 1905–1907 on the Terek: Documents and Materials]. Vol. 2. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 297 p. (in Russian).

Rklitskij M.V. *Glavnejshie momenty v ekonomike Severnoj Osetii* [The Most Important Aspects of the Economy of North Ossetia]. Vladikavkaz: b.i., 1926. 109 p. (in Russian).

Semenov A.A. Krizis tradicionnoj sem'i i evolyuciya brachno-semejnykh otnoshenij v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.) [The crisis of the traditional family and the evolution of marriage and family relations during the Civil War (1917–1920)], in *Scientific Journal of KubSAU*. 2015. No. 109 (05). Pp. 37–50 (in Russian).

Semenov A.A. Obshestvenno-politicheskij krizis i razrushenie tradicionnogo soznaniya naseleniya Severnogo Kavkaza v gody Grazhdanskoj vojny [The socio-political crisis and the destruction of the traditional consciousness of the North Caucasus population during the Civil War], in *Scientific Journal of KubSAU*. 2013. No. 90 (06). Pp. 1–12 (in Russian).

Sotnikov S.A. Sem'ya i brak v period grazhdanskoj vojny v Rossii v 1917–1922 gody: social'naya specifika i mental'nost' [Family and Marriage during the Russian Civil War of 1917–1922: Social Characteristics and Mentality], in *Service plus*. 2009. No. 4. Pp. 3–7 (in Russian).

Tuallagov A.A. Sud'by chelovecheskie. Dzandar Vasil'evich Baev [Human Destinies. Zandar Vasilievich Baev], in *Kavkaz v gody pervoy mirovoy vojny: geroika i povsednevnost'* [The Caucasus during the First World War: Heroism and Everyday Life]. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VSC RAS and RSO-A, 2014. Pp. 165–180 (in Russian).

Khadikova A.Kh. *Etnicheskie obrazy i tradicionnye modeli povedeniya osetin* [Ethnic Images and Traditional Behavior Patterns of the Ossetians]. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN and RSO-A, 2015. 441 p. (in Russian).

Khubulova S.A. Nekotorye problemy etnografii i istoricheskoy demografii krest'yanstva Severnogo Kavkaza [Some Problems of Ethnography and Historical Demography of the Peasantry of the North Caucasus], in *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Severo-Kavkazskiy Region. Obshchestvennye Nauki*. 2003. No. 1 (121). Pp. 16–22 (in Russian).

Khubulova S.A. *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Terskoj oblasti v konce XIX – nachale XX v.: social'no-ekonomicheskie, etnodemograficheskie i politicheskie aspekty razvitiya* [Peasant Family and Household in the Terek Region in the Late 19th and Early 20th Centuries: Socio-Economic, Ethnodemographic, and Political Aspects of Development]. St. Petersburg: SPbGU, 2002. 218 p. (in Russian).

Tsagolov G.A. *Kraj besprosvetnoj nuzhdy: istoriko-ekonomicheskij ocherk* [The Land of Hopeless Need: A Historical and Economic Essay]. Vladikavkaz: b.i., 1912. 295 p. (in Russian).

Center for Documentation of the Recent History of the Rostov Region (CDNIHRO). F. 92. Inv. 1. D. 2.

Статья принята к публикации 11.02.2026